

К

нига литературного критика, публициста и прозаика Петра Ткаченко «До разгрома и после него»¹ — о русской классической литературе. По мнению автора, продолжение отечественной литературной традиции немислимо без нового прочтения ключевых произведений вне былых идеологических влияний.

Появление подобной книги кажется несколько неожиданным в наше литературное безвременье. Но вместе с тем тут есть и закономерность. Ведь уже совершенно ясно, что русская литература переживает ныне беспрецедентный, ранее не встречаемый период своего состояния и положения в обществе. Причем, литература вся — как классическая, так и современная, текущая. Сегодня она целенаправленно и настойчиво вытесняется из общественного сознания и изгоняется из образования. Не впадая в конспирологию, стоит все-таки отметить, что такое поущение носит все признаки преднамеренности. Чего стоит только деятельность в России пресловутого Сороса, разорившего толстые литературные журналы —

¹ Пётр Ткаченко. До разгрома и после него. Своевременные размышления о русской литературе и жизни. Литературно-критические повести. — М.: ИПО «У Никитских ворот», 2016. — 624 с.

уникальное явление культуры, нигде более не встречаемое. Или, по сути упразднение школьного сочинения по литературе...

Это и дает полное право автору прийти к печальному выводу: «У нас в России была одна безусловная величина мирового масштаба. Это — великая русская литература. А потому с пресечением ее мы перестаем быть слышны в мире. Это и является истинной причиной таких настойчивых и упорных экспериментов с литературой, необязательность которых очевидна всем действительно образованным и чутким людям. Как очевидны и их трагические последствия для личности, общества и страны».

Из чего исходит Петр Ткаченко, отдавая многие годы перечитыванию вершинных произведений русской классики? Из того, что духовные и социальные катаклизмы нашего времени потребовали от литераторов разрешения целого ряда проблем. Прежде всего — пересмотра своего творческого хозяйства. Новой организации литературы, отстаивания ее права на свое существование, следуя завету А.Блока из его статьи «О назначении поэта»: «Никаких особенных искусств не имеется; не следует давать имя искусства тому, что называется не так». И главное — требовалось перечитать классику, толкование которой прежде было крайне идеологизировано. И не только в советский период

ДО РАЗГРОМА И ПОСЛЕ НЕГО

Пётр Ткаченко

истории. Вспомним идеологический плен неистовых ревнителей русской словесности XIX века, революционных демократов, почтивших литературу лишь «помощницей» в делах якобы более важных, чем она...

Огромная интеллектуальная и духовная работа широких слоев образованной части общества, к сожалению, не была осознана как культурная задача. Масштаб бедствия — упразднение русской литературы — оказался, по сути, не осознанным...

Принцип, которого придерживается автор, состоит в том, что он замечает в классических произведениях русской литературы то, что не было обнаружено до него исследователями, или осталось обойденным по причинам внелитературным.

Ну, нельзя же мириться с тем, что толкование глубочайшего творения человеческой мысли и духа — «Медного всадника» А.С. Пушкина издавна и до сих пор все еще строится на легковесной идее либерального толка, неизвестной современникам поэта. Суть ее состоит в том, что в петербургской повести якобы альтернативно противопоставлены государственная воля и интересы простого человека. Отсюда следует, что личная свобода достигается не иначе как через разрушение государственности... Соглашимся, что это довольно ядовитая идея.

Но главное состоит в том, что ничего подобного в тексте пушкинской поэмы нет. Гениальный автор изображает Божеское устройство мира, где у царя и у маленького человека — своя мера ответственности. Это и выявляет Петр Ткаченко в повести «Стихийных сил не превозмочь...».

В книгу вошла повесть «В поисках града Тмутаракани» — толкование образов древнерусской поэмы «Слово о полку Игореве» через христианское миропонимание. «Уже припели гибельные дни...» — о том, как жило «Слово» в советский период истории.

В повести «Песнь о вещем Олеге» как памятник русского самосознания Ткаченко касается природы предсказаний, основываясь на русских летописях. В новой работе критика «С тех пор, как вечный Судия мне дал всеведенье пророка...» анализируется трагическая гибель М.Ю. Лермонтова. Соединяя духовно-мировоззренческие аспекты с фактами историческими и биографическими, он приближается к постижению трагической гибели великого русского поэта.

В повествовании о В.Г. Белинском «После неистового Виссариона», по существу, исполняется наказ А. Блока: «Оценка деятельности Белинского и его соратников еще впереди». Очевидно, такое время настало. Автор видит реальную альтернативу великому критику в Аполлоне Григорьеве. Рассказывает о малоизвестном критике Валериане Майкове, рано ушедшем из жизни. Он посмел вступить в полемику с «литературным генералом» Белинским. В книге ему посвящена отдельная статья. Постепенно Петр Ткаченко выстраивает справедливую иерархию ценностей в русской литературе.

Повесть «Пред ликом родины суровой я закачаюсь на кресте...» — о тайне смерти Александра Блока. Это вовсе не писательское и не журналистское расследование, но жесткий анализ неопровержимых фактов, на которые раньше не обращалось должного внимания.

Читателей наверняка удивит прочтение через библейские образы романа А. Фадеева «Разгром». Однако такое видение книги продиктовано самим ее текстом. Автор повести «До разгрома и после него» обращает наше внимание на этот аспект сюжета, который является основным.

Повесть «В поисках подковы» посвящена

трагической судьбе О. Мандельштама и одному неоднократно повторяющемуся в его творчестве образу — подкове.

Характерный пример авторской позиции Петра Ткаченко — замечать то, что исследователи ранее упустили — повесть «Вещий сон генерала Корнилова». Фрагмент о сне Л. Корнилова в «Тихом Доне» М. Шолохова остался литературоведами обойденным. Это как если бы мы не заметили «мутен сон» Святослава в «Слове о полку Игореве». Ведь сны в литературных произведениях, как правило, играют главную роль в понимании их смысла и значения.

Ярослав Смеляков как русский поэт советской эпохи рассматривается автором в повести «Ежели поэты врут, больше жить не можно...».

Повесть «Сей образ прекрасного мира...» — о творчестве Николая Рубцова. Автору удалось разыскать в Москве, в частных собраниях, две первоначальные рукописи знаменитой книги поэта «Звезда полей». Это позволило сделать существенные текстологические уточнения в стихотворениях, давно ставших шедеврами русской лирики.

Юрию Кузнецову и его месту в русском самосознании посвящена повесть «Я зову в собеседники время...».

В новой книге Петра Ткаченко любопытные и неленивые читатели найдут немало интересного и непривычного, выходящего за рамки стереотипных представлений о русской литературе. И многие из тех, кому попадет в руки это необычное издание, согласятся с автором в том, что великая русская литература — достояние всех последующих времен и поколений, а не нечто, пребывающее в прошлом. Это — *живая реальность*, которая должна постигаться наново каждым поколением, открывающаяся неожиданными смыслами и значениями. В противном случае прерывается связь времен, духовная преемственность, без которых не бывает ни личности, ни народа, ни страны. Ведь великие творения русской литературы объясняют нашу сегодняшнюю жизнь гораздо глубже и внятней, чем иные суперсовременные, но торопливые писания, коими переполнены книжные развалы.

Книга может стать необходимой всем, кто изучает русскую литературу и традиционную народную культуру — школьникам, студентам, учителям-словесникам. Несмотря на, казалось бы, неожиданное появление такой книги, ее подзаголовок «Своевременные размышления о русской литературе и жизни», безусловно, оправдан.